

Глава 1

ЧУЖАК И ЖРИЦА

Рамона

— Тебя узнают, вот увидишь. Твоя красная голова слишком заметна, — залиvisto рассмеявшись, подруга взъерошила мне волосы.

— Она не красная, — огрызнулась я и сбросила капюшон. — Она рыжая, ясно?

— Красная, красная...

Пришлось ткнуть Сору локтем в бок.

— Хватит! Лучше давай поторопимся.

Воровато оглядываясь, мы выскользнули из узкого коридора и окунулись во тьму перехода. Лишь врожденное чутье искателей позволило не споткнуться и не покатиться кувырком, ломая руки и ноги.

Скоро я их увижу! Как долго я ждала этого момента, как часто представляла, и сегодня это наконец-то свершится. С каждым шагом радостное возбуждение усиливалось, нетерпение толкало в спину.

Здравый смысл зудел и приказывал остаться дома, пойти в святилище или мастерскую. Больше пользы будет! Но очень уж хотелось хоть одним глазком посмотреть на лестрийцев, на чужаков, детей равнин, которых я никогда

раньше не видела. Интересно, у них и правда глаза светятся в темноте, а зубы и когти острые, как у хищных лесных котов? Нет, думаю, это просто выдумки сплетников.

Но все равно любопытство раздирало в клочья. А если лучшая подруга поддержала опасную затею, то надо использовать шанс и не сомневаться!

«Бездеельницы!» — прозвучал в голове строгий голос матушки Этеры, но я заставила его умолкнуть.

Нечего портить настроение, ведь совсем скоро я смогу прикоснуться к запретному, открыть окошко в чужой мир и заглянуть за границы великих Западных гор.

От всех этих мыслей, от волнения и предвкушения сердце радостно затрепетало.

Мы с Сорой бодро взбежали по вырубленной в скале винтовой лестнице, освещенной лишь колонией голубых цинний, и очутились на галерее. Несколько десятков голов как по команде повернулись в нашу сторону.

— Что-то неловко мне... — шепнула подруга, и я кивнула, соглашаясь.

Хорошо, что захватила плащ с капюшоном. Не хотелось, чтобы весь Антрим знал о моем неуместном любопытстве. Таким, как я, не полагается интересоваться мирской суетой. А я за свои недолгие девятнадцать лет жизни успела нарушить половину всех правил.

Стараясь больше не привлекать внимания, мы пробрались к каменным перилам — отсюда открывался хороший вид на коридор и площадку с семью вратами. Никто не давал раз-

решения пялиться на лестрийцев, но прямого запрета тоже не было. И, конечно, вся молодежь сбежалась сюда.

— Не терпится их увидеть...

— Где они?

— Уже скоро...

Шумная возня и сдавленные шепотки растревожили улиток цинний, и под сводами, рассеивая спасительный мрак, замерцали бирюзовые огоньки. Их называли подгорными светляками — невероятно чуткие, они вспыхивали при звуке голосов или шагов, развеивая вековечную тьму. И я бы залюбовалась чудной картиной, но сейчас внутренности сжались в комок.

Светло. Слишком светло.

Вряд ли старейшины обрадуются, разглядев столпотворение на верхней галерее. А лестрийцы так вообще примут за дикарей, что с разинутыми ртами сбежались посмотреть на невиданное зрелище.

— Проклятые улитки, чтоб их подгорные твари слопали, — ругнулась Сора, осматривая то тут, то там вспыхивающий потолок. Пещера напоминала небо, расшитое сотнями ярких созвездий. — Вот сварю из них суп, будут знать! — подруга все крутилась, задевая меня острыми локтями. Даже ей, худой и угловатой, было тесно на узком скальном балконе в толпе таких же зевак.

— Их нельзя на суп, они ядовиты. Терпи. Скоро мы их увидим, — шепнула я Соре в ухо, придерживая пальцами норвящий соскользнуть капюшон.

Она лукаво полыхнула глазами и чуть слышно усмехнулась.

— Интересно, их мужчины на самом деле так ужасны и опасны, как о них говорят? Они спят и видят, как бы соблазнить невинную горную деву?

И по ее взгляду, и по голосу стало ясно, что она вовсе не прочь быть соблазненной. Эта непоседа умудрялась для всех быть примерной девицей на выданье, которая никогда не перечит, стремится всем услужить, и лишь наедине с подругами превращается в бешеного подгорного духа.

Я закатила глаза.

— Со-ора... Хватит болтать глупости. Я готова поспорить, что они так же отзываются о нас.

— Будет тебе! — легкомысленно отозвалась та. — Недаром ведь девиц на равнину не пускают, даже на ярмарки не берут, — она покосилась на меня. — Особенно таких, как ты.

Досада стиснула горло, и не возразить, ведь это чистая правда. Не пускают, берегут, внушают страх. Конечно, из самых лучших побуждений. А Сора тоже хороша! Знает ведь, что мне нельзя и думать о ярмарках, веселье, чужаках. О мужчинах...

Особенно о них.

Но долго злиться на Сору у меня никогда не получалось, я отрешилась от ее болтовни и силой мысли заставила себя перенестись далеко отсюда. Прочь из подземной залы, туда, где пшеничные поля утекают за горизонт, а ветер

танцует на просторе. В мир запретный, но оттого и желанный.

Мир, где я гуляла лишь во снах.

На равнину мы, искатели, спускаемся только в дни крупных ярмарок. Торговля — единственная точка соприкосновения с враждебным миром, полным соблазнов. Старики упорно твердят, что неокрепшим душам, особенно женским, делать там нечего.

Зато старший брат, Орм, ходит туда с отцом дважды в год! Орм мужчина, наследник и гордость рода. Не то что я. С рождения своевольная, непокорная, слишком упрямая, еще и рыжая. Одна от меня польза — пробудившийся Дар.

Пальцы крепче стиснули ограждение.

— Эй, Рамона, ты чего так дышишь?

— Все нормально.

Ну вот, снова обманываю. Узнай кто, что я не рада своему положению, заклеят сумасшедшей. Неблагодарной. Сколько себя помню, отец и матушка Этера постоянно напоминали о долге и смирении, удобряя почву для бунта в моей мятежной душе.

Им не понять. А единственного человека, кто был на это способен, забрали к себе горы.

Сзади рассмеялись, зашикали, заворчали. Поползли возбужденные шепотки. Напряжение висело в воздухе и было почти осязаемым, сдавило голову тисками.

Меня колотило, как в лихорадке.

— А как же торжественность момента? Они хоть немного могут помолчать? Старейшины

будут в ярости, если репутация холодных и благоразумных искателей пострадает.

— Начни с себя, Сора.

Подруга вздернула нос и демонстративно отвернулась. Но я знала, что она тоже не умеет долго дуться. За всю жизнь мы ни разу серьезно не поссорились. Хотя нет, в детстве отбирали друг у друга цветные камешки.

Внезапно из раздумий выдернул гул. Он прокатился по пещере мягкой волной, и одни из семи врат засветились изумрудным светом. Кристаллические конгломераты налились зеленью, удлинняясь, сливаясь, образуя фигуры самых замысловатых форм. Во все стороны поползли сияющие нити-вены, выткались на темном полотне камня, оживляя его.

Пара ударов сердца, и из чрева горного портала вынырнули первые фигуры. Среди них я узнала отца — он выглядел строго и торжественно.

Судя по взволнованному шепоту за спиной, остальные тоже не могли дожидаться лестрийцев. А я вдруг испугалась! Струсила, как заяц перед волком. Ноги ослабли — сейчас упаду на пол! Вот будет потеха.

— Ой, смотри, Рамона... — Сора ухватила меня за кисть, и я подняла взгляд.

Делегация предстала перед нами во всем составе: чужаки в сопровождении нескольких старейшин, самых уважаемых людей Скального города.

Должно быть, лестрийцы решили, что их встречают с размахом и почестями. Вон сколько народу столпилось, не хватает только в нож-

ки поклониться. Некоторые даже носы задрали. Именно такие напыщенные индюки и называют нас дикарями. Мне брат рассказывал, что люди равнин иногда толпятся у прилавков на ярмарке не для того, чтобы купить амулеты из зачарованных самоцветов, а затем, чтобы позлословить или поглазеть на искателей, как на неведомых зверюшек.

— Вон тот — точно лорд Брейгар. Сам повелитель Лестры, — еле слышно протянула подруга, намекая на высокого мужчину в плаще цвета серебра. Он был немолод, но волосы оставались темными без малейшего намека на седину.

— Великий Брейгар? — спросил мальчишка слева от нас.

— Он самый.

Да, мы тоже кое-что знали о людях за границами Западных гор. Обрывки слухов, сплетни и тихие разговоры по углам иногда лучшие источники информации.

Непонятный страх потихоньку отступал, а любопытство, напротив, поднимало голову. Сила и властность одного из четырех лордов страны чувствовалась даже на расстоянии. В том, как Брейгар держал голову, с каким достоинством осматривался, как обменялся кивком с одним из своих. Стоило признать, лестрийцы ничем не отличались от нас: две руки, две ноги, голова.

Чудовища? Глупости! Кто только такое придумал?

Раньше чужаков никогда не приглашали в Антрим. Опасались, не доверяли, берегли

тайны и сокровища от жадных глаз. А я вдруг подумала, сразят ли их виды Скального города? Где еще они увидят волшебной красоты пещеры и услышат песни камней?

А звезды! В горах такие крупные и яркие звезды, что кажется, протяни руку — обожжешься.

Моя родина богата не только блеском самоцветов.

— ...тот, что с белой головой, сын Брейгара? — прилетел вопрос откуда-то из-за спины.

— Не с белой, а с желтой, — тоном знатока поправила Сора, а я высмотрела в толпе юношу с волосами цвета пшеницы.

Никогда раньше не видела белокурых людей. Даже рыжие редко, но рождались, а вот светлые — никогда. Если тот парень и правда сын Брейгара, то он ничем на него не похож: тонкокостный, слишком холеный, держится не так уверенно и властно. Но серебряный плащ с вытканым на нем рисунком почти не отличается от плаща лорда. Значит, и правда сын.

— А где второй? Я слышала от брата, что у лорда двое сыновей.

Да, слышала. Вернее, подслушала. Водилась за мной такая недостойная, но довольно полезная привычка.

В тишине мой вопрос прозвучал слишком громко, и показалось, что неосторожные слова эхом пронеслись под каменными сводами.

Сердце запнулось, во рту пересохло.

Матерь Гор, сделай так, чтобы меня не узнали! А то снова влетит.

Я не слышала, о чем говорят внизу. Но видела, как отец достал светильник, и тот вспыхнул не хуже факела, загоня тени в самые дальние углы, срывая покровы. В этот миг к отцу приблизился человек из свиты равнинного лорда и сразу приковал к себе внимание. Все остальные просто померкли на его фоне, превратились в смазанные пятна.

Я несколько раз моргнула и затаила дыхание. Прикусила губу, всматриваясь в незнакомца.

Чужак был высоким, с гордым разворотом плеч и короткими темными волосами. За спиной он носил меч — длинный и наверняка тяжелый, такой я бы даже поднять не смогла. Этот лестриец прекрасно знал, как управляться с оружием.

Он выглядел спокойным и равнодушным, как лес в безветрие. Но в то же время от него разило первобытной силой и опасностью, грацией дикого зверя. От таких людей инстинктивно стараешься держаться подальше, потому что не знаешь, чего от них ждать.

На плечах чужака лежал плащ с серебристой опушкой, спускаясь почти до пола мягкими складками. Руки с крепкими запястьями были небрежно скрещены на груди, витая цепь с амулетами обнимала крепкую шею. Лицо, тронутое легкой щетиной, бесстрастное, суровое, будто из камня вырезанное, невольно внушало уважение. И почтение.

И трепет.

Несмотря на все это, я не могла от него оторваться. Шумно втянула воздух и почувствовала,

как щеки налились румянцем. Мать Гор, прости свою безумную дочь! После я заглажу вину молитвами, принесу дары и поделюсь силами с подземным деревом, а сейчас...

Посмотрю еще. Одним глазком. Только интереса ради, ведь я таких раньше не видела.

Оценю красоту и стать этого мужчины, как обычно оцениваю блестящие самоцветы — редкие и чистые. А потом забуду. Обязательно.

Чужак был занят разговором с отцом и даже не подозревал, что его бессовестно разглядывают. А потом вдруг напрягся всем телом и...

Поднял взгляд. Посмотрел поверх отцовой макушки, скользнул по рядам искателей, хищно сузив глаза.

Странное предчувствие заставило покрыться мурашками, приподняло волоски на руках. Я выдохнула и не могла вдохнуть, застыв в ожидании.

Зачем он так смотрит? Кого ищет?

В глубине души я уже знала ответ, хоть он и казался совершенно безумным. Немыслимым.

Я дрожала, но отвернуться было невозможно, будто от меня к нему протянулась незримая цепь. А после...

Наши взгляды, наконец, встретились.

Что он мог разглядеть здесь, в толпе темных фигур, на верхней галерее пещеры? И все же мы смотрели друг другу в глаза. Бесконечно долго, не мигая, и, кажется, даже не дыша. Взгляд его колол, резал по живому, вскрывая все мои постыдные мысли и тайны. А глу-

хая тоска, которую я загнала в глубины души и разума, заворочалась разбуженным зверем, заныла, заскреблась, напоминая, что я вовсе не та, кем меня хотели видеть отец и Верховная жрица.

А потом пришло отрезвление. Оно выбило из груди воздух, и я отпрянула во мрак. Сжалась в комочек, пытаюсь унять суматошное сердце.

Бах! Бах! Бах! Пульс стучал в висках, как молот.

А лестриец смотрел туда, где еще недавно торчала моя макушка. Ждал, когда высунусь, чтобы...

Что? Утащить в свое логово?

Глупости. Бред! Быть такого не может. Но, как бы я себя ни разубеждала, холод прокрался по рукам, скользнул за пазуху.

Ох, Рамона, доиграешься когда-нибудь... Но Матерь Гор сегодня была на редкость милосердна, и вскоре процессия двинулась прочь. Лестрийцы шли, чеканя шаг. Уверенно и слаженно, как люди, привыкшие к битвам. Они почти миновали пещеру Семи Врат и скрылись в тоннеле, но я все смотрела и смотрела в спину незнакомцу, будто кроме него здесь никого не было. Будто он заслонил всех собой.

Мысленно касалась плеч, трогала волосы, спину... Это длилось и длилось, как навеянный молитвами сон, как наваждение. И выдохнуть я смогла лишь тогда, когда хлопнула тяжелая дверь.

— Вы видели?

— Так глядел! А взгляд-то звериный...